Издательство «Алгоритм» выпускает книгу народного артиста СССР Льва Дурова «Грешные записки». Это воспоминания о наиболее ярких эпизодах из жизни автора и его друзей. В Англии Дуров был назван «трагическим клоуном», и этим званием он особенно дорожит. В книге удивительным образом переплетаются трагические события с историями юмористическими, буффонадными, а зачастую и анекдотическими. В этом — весь Дуров. Предлагаем вниманию наших читателей несколько таких историй.

История — 1998 — 28 ноября — 6,5

АКАДЕМИЯ ТРАВильЩИКОВ

Театр имени Ленкома гастролировал по всей стране. И каждая поездка была для нас огромным праздником. Порой «истории» начинались уже в поезде.

Как-то поехали мы на очередные гастроли. Меня пришли провожать мои друзья-акробаты братья Воронины. Они, любя меня, притащили какую-то чудодейственную мазь, избавляющую от облысения. Где-то в Тбилиси ее раздобыли. Странная масса, пахнущая чесноком. Проинструктировали: втирай, дескать, на ночь в лысину, натягивай шапочку, а утром смывай. Недели через две волос попрет!..

Значит, поехали. Я в одном купе с нашей примой Ольгой Яковлевой, а в соседнем — неугомонная четверка: Гена Сайфулин, Валя Смирнитский, Георгий Мартынюк и Игорь Кашинцев. Ребята сразу же начали «соображать». Вскоре сбегается ко мне:

— Дед, дай чего-нибудь закусить.

— Да нет у меня ничего.

— Ну что ты жмешься — вон у тебя какая-то закуска в банке.

И как раз чесноком пахнет.

— Мужики, — говорю, — это не закуска — мазь от облысения.

— Свищишь, дед, — и ушли, недовольные, допивать.

Гудели до утра, спать всем мешали. Думаю: надо ребят прочувить. Вижу — на крючке висит парик Ольги Михайловны. Длинный, кучерявый. Натянул парик, вылез по пояс голый и в соседнее купе стал стучать. Открыли они и спяну глаза вытарасили. А я им этак торжественно-возмущенно:

— Что, суки, не верили?!

Смирнитский упал с полки и сломал руку. Мартынюк угрюмо пробормотал, обращаясь сам к себе:

— Допился...

У Сайфулина начались судороги. А лысый Кашинцев воскликнул с восторгом:

— Это, блин, жизнь! — и упал лицом в подушку.

Я удалился. А минут через пятнадцать они опомнились и стали ломиться в наше купе. Но строгая Ольга Михайловна их не пустила.

Нашу театральную труппу везде принимали прекрасно.

Никогда не забуду, как нас после гастролей провожали в Перми. Это можно сравнить лишь со встречей челюскинцев в 1934 году. Нам кричали:

— Приезжайте еще! Мы вас очень любим!

Прощание растрогало нас до слез. Было такое чувство, будто на век расстаешься с родными людьми. Горечь расставания с городом усугублялась еще и тем, что здесь мы не только с триумфом играли спектакли, но и раскрутились на полную катушку: розыгрыши, шутки, подставки сыпались, как из

мешка разноцветные елочные игрушки.

Как только мы приехали в Пермь, сразу же пошли осматривать город, — кто куда. Я с приятелем пошел в зоопарк. Почему зоопарк? А черт его знает! И вот там мы увидели зеленую козу и сразу же сообразили, как нам использовать эту козу в корыстных целях.

Вернувшись в театр, мы стали заключать пари.

— Ты видел зеленую козу? — спрашивали мы очередную жертву.

— Таких не бывает, — безапелляционно заявляла жертва, еще не зная, что она уже обречена.

— Правильно, не бывает, — соглашались мы. — А вот в местном зоопарке есть единственный во всем мире экземпляр зеленой козы. Хочешь держать пари?

На кону стояла всегда, понятно, бутылка. Ну кто же откажется от беспроигрышного пари! Только idiot может поверить в зеленую козу.

Пари заключалось, и обреченный спорщик бежал в зоопарк. А вернувшись, ругался:

— Сволочи! Вы проиграли! Это личная коза директора зоопарка. Она ходила на воле. Там покрасили штaketник, она чесалась об него и измазалась.

— Но она зеленая или не зеленая?

— Зеленая, но...

— Мы об этом и спорили. Беги в магазин.

Многие бегали и в зоопарк, и в магазин, и мы оказались владельцами приличного состояния. И могли менять свою продукцию на все, на что хотели: бутылка, она хоть и стеклянная, но поустойчивее доллара будет. В нашей стране.

Но непрезвиденными мастерами розыгрышей выступили Александр Ширвиндт и Михаил Державин. Они начали работать, как и мы, сразу же.

И вот они сидят в гримерной. Задумчивые, сосредоточенно о чем-то размышляющие. Тут же гример. Все молчат. Наконец Александр не выдерживает, тяжело вздыхает и с досадой бормочет:

— И почему мы взяли только по одному!.. Да и рубашки надо было брать по три, а не по две...

— Я говорил, — слабо оправдывается Михаил.

— Говорил...

Опять молчат.

— Ладно, Саша, — успокаивает товарища Михаил, — завтра пойдем и еще возьмем.

— А вдруг уже не будет? — беспокоится Александр.

— Да нет, ты же видел — там было много.

Гример начинает волноваться.

— Вы о чем, ребята?

— Да ни о чем, просто так.

Но тот уже почувствовал, что это не «просто так», и начинает качать:

— Ну что, жалко, что ли, сказать? Сами же говорите, что там «много».

— Ладно, черт с тобой, — сдается наконец Александр и смотрит на друга. — Сказать, что ли?

— Да уж говори, — обреченно соглашается Михаил.

От него ведь не отвяжешься.

— Улица Чкалова, дом 4, — шепотом провозносит Александр, оглядываясь на дверь.

— И что там? — гример тоже переходит на шепот.

— А там продают английские замшевые пиджаки по цене двух

бутылок и рубашки любых расцветок. Сколько здесь три — в Москве одна стоит. Да и не найдешь таких в Москве.

— А что так дешево? — недоверчиво спрашивает гример.

— Наверняка контрабанда, — делает предположение Михаил. — Им, видно, нужно быстрее сплавить товар. Только ты — никому!

— Да вы что? Могила!

Гример несколько минут мнется, потом не выдерживает нервного напряжения и осторожно спрашивает:

— Ребята, я вам, наверное, уже не нужен?

— Конечно. Иди отдыхай.

Гример пулей выскакивает из комнаты, и вот уже почти вся труппа мчится на такси, на частных, на попутках на окраину города: на улицу Чкалова, 4, дом, который заметил Ширвиндт еще при въезде в Пермь. Приезжают и видят задрипанную керосиновую лавку. Но гример-то понимает, что все это камуфляж, и начинает давить на продавца.

— Чего вы боитесь? Все будет шито-крыто. Мы у вас весь товар заберем.

— Какой товар? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

— Какое дело? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

— Чего вы боитесь? Все будет шито-крыто. Мы у вас весь товар заберем.

— Какой товар? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

— Чего вы боитесь? Все будет шито-крыто. Мы у вас весь товар заберем.

— Какой товар? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

— Чего вы боитесь? Все будет шито-крыто. Мы у вас весь товар заберем.

— Какой товар? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

— Чего вы боитесь? Все будет шито-крыто. Мы у вас весь товар заберем.

— Какой товар? — ничего не может понять продавец. — Вот мой товар — керосин. Хотите — берите, хоть весь! Какие замшевые пиджаки? Вы с ума сошли! Какой дурак будет держать в керосиновой лавке замшевые пиджаки!

Все лезут в лавку, чтобы лично убедиться, что пиджаков действительно нет. Назад все едут мрачные и с желанием мести. А кто виноват? Гример виноват.

ма. Вот: «Прилетай зпт Миша проглотил шуруп тчк Целую бабушка». Что делать?..

— А что делать, — говорю, — вылетай! Я за тебя сыграв роль. И ни о чем не беспокойся.

— Спасибо! Ты настоящий друг!

— и убегает.

Сажусь, начинаю учить роль — спектакль в тот же вечер. И тут опять прибегает Гоша, но на этот раз радостный.

— Левочка! Пришла еще одна телеграмма. Слушай: «Шуруп вышел зпт можешь не вылетать тчк Целую бабушка».

Веселое время — гастроль! Праздник души и сердца.

Это было, когда мы гастролеровали в Узбекистане... Среди артистов пополь слушок, что Ширвиндта и Державина пригласили выступить на каком-то важном правительственном приеме. Кто, кроме них, еще будет участвовать в концерте — тайна. Наверное, государственная. И об этом опять же знают только Ширвиндт и Державин.

Прошелестел еще один слушок: платить артистам по этическим соображениям не будут. Но зато вручат дорогие — очень дорогие! — подарки. А кому не хочется получить восточный подарок! Наверняка что-нибудь бесценное.

Артист, назыву его Сережей, недолго мучился гамлетовскими сомнениями: быть или не быть. Конечно, быть! И направился к неразлучным друзьям.

— Ребята, — попросил он, — включите меня в свой список. Что вам стоит!

— Сложно, — задумался Ширвиндт. — Ты же сам понимаешь — это на правительственном уровне.

— Да я понимаю... И все же?

— Да не знаю. Ладно, ничего не обещаю, но я поговорю.

— Я тебя прошу.

— Сделаю все, что могу.

Дня через два-три Ширвиндт подходит к Сереже и ласково улыбается.

— Ну, — говорит, — старик, поздравляю: тебя включили в концерт — будешь ведущим. Но текст придется заучить на узбекском языке. Как, справишься?

— Спрашиваешь!

Дал ему Ширвиндт текст на узбекском языке, написанный русскими буквами, и предупредил:

— Срок тебе — десять дней. Не тяни — сразу же начинай учить.

А жили они в соседних номерах, где все прослушивалось. И попивая узбекское вино, Саша с Мишей от души веселились, слушая, как за стеной целыми днями Сережа бубнит:

— Дыр-быр-бур... Бур-дур-дыр...

Наконец, проходят десять дней и довольный Сережа заходит к соседям.

— Я готов. Когда концерт?

— Какой концерт? — Ширвиндт явно не понимает, о чем идет речь.

— Как — какой? — Сережа в растерянности. — Концерт, где подарки будут давать.

— Понятия не имею.

— Да ты же мне текст дал — на узбекском языке. Я его выучил наизусть!

— Старик, я же не знаю узбекский. Как я мог тебе дать?

— А сейчас посмотрим...

Сережа выбегает из номера и вскоре возвращается с узбеком.

— Вот, — дает он ему текст и тычет в него пальцем, — прочитайка, что здесь написано.

Тот долго рассматривает бумажку и с трудом начинает читать:

— Дыр-быр-бур... Ребята, это какая-то хреновина, извините меня. По-моему, такого языка вообще нет.

И тогда до Сережи доходит.

— Ну, паразиты, — грозит он, — я вам тоже сделаю, — и хлопает дверью.

А что? Пустячок, а приятно.